

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «САМ СЕБЕ БОБ МАРЛЕЙ»

PRESENTS

Гиренко Д.А., Сниженная лексика английского языка и способы ее перевода на русский язык (на примере переводов романа С. Кинга “Долгий путь”)//Дипломная работа. – Славянск-н/К: ССБМ, 2005.

ОТ АВТОРА:

РАБОТА ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ **НЕ ТОЛЬКО** ДЛЯ ОЗНАКОМЛЕНИЯ! АВТОР НЕ БУДЕТ В ОБИДЕ, ЕСЛИ ВЫ ВОСПОЛЬЗУЕТЕСЬ ТЕМ ИЛИ ИНЫМ КУСОЧКОМ ДАННОГО ОПУСА ИЛИ ДАЖЕ ПРИСВОИТЕ ЕГО ПОЛНОСТЬЮ С ЦЕЛЬЮ ЗАЩИТИТЬ ПОД СВОИМ ИМЕНЕМ, НО ЕСТЬ ОДНО «НО»: МЫСЛЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРУ – **О Б Я З А Т Е Л Ь Н А !**

Денис Гиренко (Ден Гур)

P.S.

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ СЛЕДУЮЩИМ ЛЮДЯМ, ОКАЗАВШИМ ЕМУ ПОСИЛЬНУЮ ПОМОЩЬ В НАПИСАНИИ ДАННОЙ РАБОТЫ:

1. Степану Эдмундовичу Королеву:-) и его совсем нестрашным произведениям;
2. Владимиру Дмитриевичу Девкину и Вилену Наумовичу Комиссарову, с которыми, к сожалению, лично не знаком, а также многим, многим, многим, чьи фамилии значатся в списке литературы в конце данной работы;
3. Солодкому Максиму Васильевичу (он же Адди), с которым, к счастью, знаком лично, преподавателю кафедры ГФ СГПИ, единомышленнику и просто отличному собутыльнику;
4. Синдеевой Виктории Борисовне, канд. фил. наук, доценту, заведующей кафедры той же ГФ того же СГПИ, осведомленностью во всех областях филологии, обаянием и демократичностью которой автор глубоко и искренне восхищается

СПАСИБО! DANKE SCHOEN! THANKS!

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЛАВЯНСКИЙ-НА-КУБАНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

специальность 033200.00 «Английский язык с дополнительной специальностью немецкий язык»

кафедра германской филологии
и методики преподавания иностранных языков

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

«СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА ПРИМЕРЕ ПЕРЕВОДОВ РОМАНА С. КИНГА “ДОЛГИЙ ПУТЬ”)»

Выполнил
студент 5 курса
Гиренко Д.А.

Научный руководитель
преподаватель
Яценко Антон Иванович

г. Славянск-на-Кубани
2005 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I. СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Понятие «сниженная лексика»

1.2 Классификационные стратегии сниженной лексики английского языка

1.3 Демократизация языка – причина использования сниженной лексики в художественном тексте

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

2.1 История вопроса. «Теория неперевоаемости»

2.2 Адекватность текста перевода как прагматическая задача переводческого акта

ГЛАВА III. СПОСОБЫ ИЛИ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ РОМАНА С. КИНГА «ДОЛГИЙ ПУТЬ»

3.1 Виды переводческих трансформаций в переводах сниженной лексики романа С. Кинга «Долгий путь»

3.1.1 Лексические трансформации

3.1.2 Лексико-грамматические трансформации

3.2 Степень эквивалентности переводов сниженной лексики романа С. Кинга «Долгий путь»

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Мнения автора могут не совпадать с его точкой зрения.

В. Пелевин, «Generation П»

Быстрое развитие информационных технологий и средств коммуникации, однополюсная картина мира позволяют в настоящее время говорить о процессах глобализации в мировом сообществе. Это, с одной стороны, приводит к унификации и стандартизации мировых культур, а с другой стороны, повышает самосознание некоторых представителей национальных культур, выводит на первое место желание сохранить специфику и особенности своей культуры при уважении к представителям других культур и разумном приятии самих этих культур.

В этой связи возрастает роль переводчика художественной литературы – как связующего звена в межкультурной коммуникации. На плечи переводчика ложится ответственность за адекватную передачу художественного текста. Искусство «донести автора» до читателя заключается теперь не только в умении передать текст без нарушения узувальных норм переводящего языка, но и при максимальном отражении культурных (ментальных) особенностей языка оригинала.

Одним из проблемных (в переводческом плане) пластов лексики любого языка при этом остается пласт сниженной лексики, наиболее близкий к живой коммуникации, довольно ярко отражающий менталитет носителей языка, зачастую идиоматичный.

В современной мировой литературе при ее стремлении к натурализму разговорная (сниженная) лексика представлена в полной мере, начиная от просторечий и заканчивая табуированной лексикой. И хотя отношение к ней неоднозначно, но, как считает В.Д. Девкин, без знания разговорно окрашенной лексики при изучении иностранного языка обойтись невозможно. Эта лексика составляет достаточно весомую, совершенно неотъемлемую часть лексикона. Знакомство с разговорной лексикой нужно, чтобы понимать обиходную речь, чтобы овладеть важной частью лингвострановедения, чтобы уметь расшифровать подтекст, остроты, ассоциативный план высказываний [Девкин 1994: 5], без чего не может обойтись хороший переводчик, стремящийся максимально сблизить читателя с автором. Переводчики же нередко поступают с текстом переводимого произведения в той манере, которую не без иронии описывает К. Чуковский в своей работе «Высокое искусство», говоря, что боязнь аляповатой вульгарщины удерживает русских переводчиков от использования разговорной лексики в текстах своих переводов [Чуковский 1988: 136-137].

Цель данной работы – выявление и оценка степени адекватности переводов текстов, содержащих сниженную лексику.

Объектом нашего исследования является сниженная лексика английского языка в художественной литературе, а именно в романах С.Кинга, предметом – переводческие приемы (способы перевода), к которым прибегают русские переводчики; сравнение разных переводов с точки зрения их адекватности оригиналу.

Материалом исследования послужили переводы романа Стивена Кинга «Долгий путь» В. Вадимова (1996г.) и А. Георгиева (1999г.).

Выбор автора и произведения не случаен. Стивен Эдвин Кинг бесспорно является знаковой фигурой в англоязычной натуралистической литературе XX века. Автор ряда шумевших, зачастую культовых романов и новелл, большинство из которых были экранизированы (“Pet Cemetery”, “The Running Man”, “The Shining”), известен во всем мире, его произведения переведены более чем на сто языков мира. При этом люди мало знакомые с творчеством С. Кинга видят в нем лишь коммерческого «клепателя ужасиков», в чем неосознанно им помогают сами поклонники автора, навесившие на него ярлык «Короля Ужасов» [http://www.stephenking.ru/sk_biogr.html].

Подобные мнения способен развеять роман «Долгий путь» (написан под псевдонимом Р. Бахмана), проблематикой которого является американская страсть к шоу, достигающая порой огромных масштабов. Герои романа участвуют в телешоу “Long Walk” – в марафоне на выживание, где всякий неспособный двигаться дальше будет убит. Дикая игра, участники которой – подростки, едва достигшие совершеннолетия, транслируется в национальном эфире.

Взаимоотношения «игроков», идущих на смерть, их внезапное осознание всего ужаса ситуации накладывают отпечаток на язык романа, изобилующий сниженной, зачастую табуированной лексикой.

Для достижения цели исследования мы решали следующий ряд задач:

- 1) рассмотреть теоретические вопросы, связанные с возможными дефинициями и классификациями сниженной лексики; общими процессами демократизации английского языка; причинами использования сниженной лексики в художественном тексте; проблемой переводимости художественного текста и уровнями эквивалентности перевода;
- 2) выявить приемы перевода сниженной лексики в переводах разных авторов;
- 3) сравнить приемы разных переводчиков в отношении степени их адекватности.

Методами исследования являлись контекстуальный и сопоставительный анализ рассматриваемого материала, полученного методом сплошной выборки из оригинального текста романа и двух его переводов, сделанных А. Георгиевым и В. Вадимовым.

Особо следует обговорить источники оригинального текста и текстов перевода. Текст оригинала романа был найден нами на русском сайте Стивена Кинга “Стивен Кинг.ru”.

Перевод А. Георгиева относится к официальному, опубликованному «Издательством АСТ» (с разрешения правообладателей) собранию сочинений С. Кинга на русском языке. Перевод В. Вадимова взят нами из издания ООО «СЛК» (Белорусь), переводчик в библиографических данных указан не был. Происхождение перевода было установлено благодаря электронной библиотеке «Библиотека в кармане X».

Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

В первой главе рассматриваются теоретические положения, связанные с такими понятиями, как «сниженность» и «сниженная лексика», а также уделяется внимание процессам, происходящим в современном английском языке – демократизации и вульгаризации языка.

Во второй главе рассматривается проблема переводимости художественного текста, а также основные критерии адекватности перевода.

Третья глава посвящена особенностям перевода сниженной лексики в романе С. Кинга «Долгий путь», т.е. способам ее перевода. В заключении подводятся итоги исследования.

ГЛАВА I. СНИЖЕННАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1 Понятие «сниженная лексика»

Если представить современный American English в виде крупного города, а слова – в виде людей, живущих в нем, то сниженной лексикой, согласно образному определению М. Голденкова [Голденков 2001: 4], будет бедный квартал (*skid row*, как называют такие трущобы американцы), но отнюдь не резервация, огороженная колючей проволокой, откуда не вырваться.

В тридцатые, сороковые, пятидесятые годы в американском варианте английского языка шли активные словообразовательные процессы, связанные в первую очередь с изменением образа жизни нижних ступеней социальной лестницы, развитием нон-стандарт-культур, сращиванием вчерашнего криминала с бизнес-элитой и т.д. Это повлекло за собой расширение пласта сниженной лексики.

Можно выделить следующие источники пополнения сниженного регистра:

- 1) профессиональные и криминальный жаргоны: *a dealer* ‘наркоторговец, наркодилер’, *an operator* ‘вор, мошенник,

- 2) просторечия национальных меньшинств (афроамериканцев, ямайцев, латиноамериканских эмигрантов): *whozap?* 'чѐ случилось?', *me luhv yo* 'я тя люблю';
- 3) заимствования из других языков (в основном из испанского): *a muchacho* 'копеец', *asta la vista* 'до встречи', *a frau* 'бабенка, сексуально привлекательная женщина';
- 4) переосмысление нейтральной лексики (иногда через жаргоны, см. *a dealer, an operator*): *to come* 'кончатъ', *to get out* 'сваливать' и т.д.

Процесс обогащения английского языка новыми словами не закончился в бурные шестидесятые. Он продолжался и в семидесятые, и в восьмидесятые, в конце которых – не без помощи рок-музыкантов – возникло много новых понятий либо воскресли хорошо забытые старые; пошла волна обильных сокращений. Продолжился этот процесс и в девяностые, где получил новый толчок ввиду развития информационных технологий, а также распространения американской поп-культуры по всем континентам.

Из Америки в англоязычные страны, благодаря кино и музыке, шел усиленный экспорт слов и выражений. В шестидесятых годах этот процесс стал двусторонним и более бурным – благодаря бит-буму на Британских островах. Какое-нибудь сленговое слово, прозвучавшее из уст любимого рок-музыканта, актера, легко подхватывалось молодежью. В одной англоязычной стране слово приживалось, в другой пропадало. И вот через десять-пятнадцать лет оно в одном месте (т.е. какой-то англоязычной стране) уже стало считаться нормой, а в другом месте – нет, оно все еще носит сниженный оттенок.

Этим в первую очередь объясняются трудности при попытке определения регистровой отнесенности той или иной лексемы или фразеологической единицы.

В современном языкознании классически принято различать три основных лексико-стилистических разряда: книжная лексика (научная, официально-деловая, газетно-публицистическая, поэтическая), стилистически нейтральная (межстилевая) лексика и разговорная (собственно разговорная и просторечная) лексика [Попов, Валькова и др. 1978: 99].

В современной лингвистике понятие «разговорность» трактуется довольно широко. Так, словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дает следующее определение слову «разговорный»:

Разговорный, -ая, -ое. 1. см. разговор. 2. Свойственный устной речи, обиходным выражениям. Р. стиль. Разговорная речь (речь носителей литературного языка при их непосредственном и непринужденном общении) [ТСРЯ-94: 634].

В современной лексикографии можно встретить также следующие определения данных понятий:

Разговорная лексика – это весь лексический фонд обиходной речи [Руофф 1981: 36].

Разговорная лексика понимается как самая близкая к нейтральной в противопоставленности фамильярной, сильно сниженной – такая интерпретация, по мнению В.Д. Девкина, является характерной для лексикографической практики [Девкин 1994: 12].

Н.И. Гез относит к *разговорному стилю* как лексику нейтрального или общеупотребительного стиля, так и слова с эмоционально-экспрессивной окраской (ласкательные, бранные, иронические, шутливые и т.д.) [Гез 1974: 74].

В свою очередь, в предисловии к немецко-русскому словарю разговорной лексики В.Д. Девкин дает такое определение понятию «разговорность»:

«*Разговорность*» – это традиционное, весьма условное и собирательное название того, что противопоставлено идеально правильному, непогрешимому образцово-показательному культурному стандарту.

Отступление от этой эталонности может быть разной степени – минимальным (без нарушения литературности), среднесниженным, заметным (фамильярный слой) и значительным (грубая и вульгарная лексика) [Девкин 1994: 12].

Неоднородность лексического состава разговорных текстов (в них можно встретить прежде всего слова, связанные с повседневной жизнью, бытом, так называемые бытовизмы: *a spoon* 'ложка', *a book* 'книга', *a table* 'стол'; слова, имеющие ярко выраженный сниженный оттенок: *to hitch-hike* 'ехать автостопом', *a brown-noser* 'жополиз'; слова стилистически нейтральные, составляющие основной словарный фонд современного литературного языка: *to go* 'идти', *to have a rest* 'отдыхать', *young* 'молодой'; специальную терминологическую лексику: *a browser* 'браузер', *a file* 'файл', и отдельные жаргонные вкрапления: *a looser* 'компьютерный лох, лузер', *a cop* 'мент', *greens* 'зеленые, капуста') приводит к возникновению ряда затруднений при попытке дать четкую дефиницию как понятию «разговорная лексика» в общем, так и понятию «сниженность» в частности.

Для англоязычного же языкознания понятия «разговорность» и «сниженность» зачастую являются равнозначными. Американские лингвисты все то, что не относится к книжной и стилистически нейтральной лексике, традиционно определяют общим понятием «сленг» [Голденков 2001: 4]. Однако как таковая сниженная лексика (или же сленг) составляет лишь 1/3 разговорного лексического фонда. Вот как пишет об этом М. Голденков в книге об американском сленге «Осторожно – Hot Dog!»: «Этим термином обычно обозначают то, что не совпадает с нормой литературного языка. Сленг покрывает в английском языке множество грехов и составляет треть слов разговорной речи» [Голденков 2001: 4].

По мнению М. Голденкова, *сленг* – это все то, что не попадает в учебники [Голденков 2001: 5].

Данный подход снимает с английских лингвистов, как и их единомышленников, не только проблему отнесения энной части словарного фонда к сниженному регистру, но и проблему внутрирегистровой классификации: англоязычные словари чаще всего

любую сниженную лексическую единицу маркируют как сленг. Англоязычные словари сниженной лексики таким образом называются «словари английского сленга», где единственным возможным маркером будет маркер сферы употребления, т.е. отнесенности к тому или иному жаргону, социолекту.

Это можно объяснить тем, что человек, находящийся в «родном» языковом пространстве, и сам способен определить степень экспрессии слова. Российские же исследователи пытаются дать традиционные классификации английскому фонду сниженной лексики.

1.2 Классификационные стратегии сниженной лексики английского языка

Несмотря на множественность толкования понятия «сниженная лексика», по семантическому признаку вслед за В. Д. Девкиным можно выделить несколько разрядов сниженной лексики [Девкин 1994: 14]:

- 1) констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо: *junker* 'наркоман, сидящий на игле, особенно на героине', *bottom woman* 'проститутка';
- 2) слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики, содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской: *trash* 'вандал', *whore-hoper* 'ходок, потаскун, сперматозавр', *lude* '«Кваалюд», торговая марка наркотика-депрессанта, «снижающего», снимающего действие возбуждающих наркотиков';
- 3) зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения: *ape* 'негр, горилла', *cow* 'корова, некрасивая и толстая женщина';
- 4) слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской: *shit* 'чёрт, дерьмо, лажка', *bubs* 'буфера, большие женские груди';
- 5) слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной экспрессией: *shit-head* 'дурак, говнюк'; *dingey* 'негритос'; *puta* 'путана, проститутка, давалка' [АРСАС-94].

По сфере употребления сниженная лексика обозначается в словарях [АРС-85; АРС-91; АРСАС-94 и т.д.] следующими маркерами:

- 1) помета «прост.» обозначает «лексику малокультурной городской среды, известную и употребительную, в отличие от диалектной, повсеместно» [Кожина 1993: 127]. Лексемы, относимые к просторечиям: *whozat?* 'who is that?', *wassamatter?* 'what is the matter?';
- 2) помета «диал.» маркирует слова народных говоров, не входящие в словарный состав литературного языка и ограниченные в своём употреблении определенной территорией: *If yoh see a policeman warn da brotha!* (ямайский английский) 'If you see a policeman warn the brother!';
- 3) помета «жарг.» указывает на слова, не входящие в состав литературного языка, с помощью которых отдельные профессиональные группы обозначают предметы и явления уже имеющие свои наименования в общеупотребительной лексике языка: *over the hill* 'смывшийся из тюрьмы', *fimtu* 'затраханый' – тюремный жаргон;
- 4) помета «сленг» сопровождает слова, противостоящие традиционно официальному, общепринятому языку, понятному лишь представителям сравнительно узкого круга лиц, принадлежащих к той или иной группе, которая ввела в обиход данное слово или выражение: *hay-eater* 'белый человек', *suede* 'чёрный' – негритянский сленг.

По степени сниженности разговорных лексем известна классификация В. Д. Девкина, который выделяет в немецком языке:

- 1) фамильярную лексику (словарная помета «фам.» маркирует фамильярность, фривольность, подчеркнутую «несалонность» выражения, типичную для среды близких знакомых);
- 2) грубую лексику (помета «груб.» указывает на не эстетическое, антиэстетическое понятие, на то, что обычно передают эвфемизмами);
- 3) вульгарную лексику (помета «вульг.» обозначает применение грубых слов не по прямому их назначению, а для негативных характеристик того, что в норме называется нейтрально, прилично);
- 4) бранную лексику (помета «бран.» сопровождает бранную лексику, имеющую, как правило, нечеткий, общенегативный контур значения);
- 5) нецензурную лексику (помета «неценз.» обозначает табуированную, запретную лексику) [Девкин 1994: 9].

Однако российскими составителями английских двуязычных словарей выделяется несколько отличный от предложенного В.Д. Девкиным ряд стилистических помет, характеризующих степень сниженности лексических единиц английского языка. Так, В.Д. Аракин выделяет:

- 1) грубую (rough): *bloody* 'проклятый';
- 2) презрительную (contemptuous): *spown* 'плодиться';

3) пренебрежительную (scornful): *a sad drunkard* 'горький пьяница';

4) разговорную лексику (colloquial): *to hike* 'гулять, ходить пешком', *pine* 'ананас' [APC-91: 13-14].

О.С. Ахманова и Е.А.М. Уилсон выделяют в свою очередь лишь собственно разговорную, а также грубую и презрительную лексику [APC-85].

Т. Ротенберг и В. Иванова, составители англо-русского словаря американского сленга, выделяют:

1) оскорбительную лексику – слово (выражение), используемое с целью оскорбить: *geese* 'евреи';

2) презрительную лексику – слово (выражение), выражающее презрение: *rag-head* 'индус, азиат';

3) ругательную лексику: *to fuck* 'трахать, иметь' [APCAS-94].

Таким образом, мы видим расхождения в подходах к классификации по степени сниженности у ряда составителей двуязычных словарей, что затрудняет работу переводчика, который, согласно меткому высказыванию Миньяра-Белоручева, очень часто, когда не находит эквивалента, сам является «составителем толковых словарей» [Миньяр-Белоручев 1999: 55-56]. Это, по причине демократизации языка и активного использования сниженной лексики в литературе, наносит ощутимый урон качеству перевода, так как переводчик-практик вынужден в этих условиях переводить на свой страх и риск, порой ошибаясь.

1.3 Демократизация языка – причина использования сниженной лексики в художественном тексте

Развитые естественные языки проявляют себя в различных стилях; нельзя сводить представление о языке к его кодифицированному варианту – с этим утверждением соглашаются в настоящее время большинство филологов и приводят в качестве доказательства результаты стилистического анализа литературных произведений [Елистратов 1994: 32].

Оказывается, письменные тексты, хотя они отображают лишь малую долю всевозможных говорков и в них слышны только отдельные звуки живой уличной речи, доказывают существование всевозможных «подъязыков» в разные культурно-исторические эпохи. При этом именно те тексты, в которых использован потенциал так называемых сниженных стилей, являются наиболее богатыми, экспрессивными, волнующими современного читателя.

В России в перестроечное время произошел настоящий «бум» в изучении сниженных стилей русского языка. Это было обусловлено взрывом гражданских и языковых свобод. Стремительные социальные процессы повлекли за собой значительные изменения в устной и письменной речи. А филологи получили богатый источник материала для исследований и возможность изучать и обсуждать в печати любую область языкознания. Стало допустимым выйти за рамки наблюдения за разговорной речью и просторечием и приступить к изучению «блатной музыки», табуированной лексики, жаргонов, не мотивируя свое исследование желанием помочь правоохранительным органам, повысить культуру речи и т.п. К сожалению, наряду с серьезными материалами, на некоторые из которых мы ссылаемся в нашей работе, появилось множество публикаций, эксплуатирующих интерес рядового читателя к низменным предметам. Однако они довольно быстро пресытили публику и перестали приносить серьезную финансовую прибыль, вследствие чего в наши дни практически исчезли с книжного рынка.

Тенденции возрастания интереса к сниженной лексике, схожие с отечественными, имеют место в англоговорящих странах. С убыстрением темпа современной жизни значительно ускорился и процесс расширения словаря данной лексики, особенно в середине кризисных 60-70-х годов.

В этот период, как говорилось выше, заявило о себе гораздо более широкое разнообразие социальных групп, оказались широко представленными маргинальные «культуры». К традиционным творцам разговорной лексики – представителям подполья, армии, джазистам и фанатам джаза, эмигрантам, пьяницам – присоединились хиппи, наркоманы, которые ввели в язык слова, связанные с «пограничными» состояниями, противопоставленными нейтрально окрашенной лексике.

Социальная революция открыла язык гомосексуалистов, других «исследователей» сексуальной свободы. Впервые столь широкое хождение получают ругательства и непристойности, которые в это время прочно утверждаются в сфере разговорного языка, но отсутствуют в словарях стандартного английского. Гораздо шире оказывается представлен язык различных этнических меньшинств.

Новые слова возникают и для новых социокультурных ситуаций, и для того, чтобы освежить старые понятия и связанные с ними чувства. В это время с новой силой проявляется и типичная для разговорной лексики обратная мораль, бунт против условности и доходящей порой до истерики подчёркнутость собственной «человечности», принимающей всё, что бросает вызов скуке «правильной» жизни.

С новой силой обнаруживается человеческий фактор образования сниженной лексики, её тенденция к упрощению, вульгаризации, её заикленность на пяти органах чувств, в основном еде и сексе, её стремление обнажить подсознание, путь ассоциации – путь образности.

Разговорная речь по своей сути предполагает «братство» говорящих, особенно существенное для американцев, чем для англичан, которые не пускают корней – ни физических (они часто переезжают), ни интеллектуальных (на протяжении жизни они склонны менять род занятий).

В наши дни разговорная лексика распространена в литературных текстах гораздо шире, чем прежде, и понимаема практически так же хорошо, как нейтральная. И хотя она не признаётся нормативными словарями, сегодня она является активной

Быстрее других пластов разговорная лексика отражает общую тенденцию максимальной сжатости чувства в слове – лаконичности, доходящей до условности. В таком повышенно эмоциональном общении важна оперативность, которую дают клише. Наблюдается концентрация, уплотнение лексических (информационных) единиц – разговорная лексика «предпочитает» короткие слова, относительную бездумность и часто символичность их употребления. Порой слова передают не сами мысли, а скорее становятся их заместителями. Детали, которые могут обнаружить разницу восприятия и разрушить коммуникацию, опускаются. Часто, подобно одежде, разговорная лексика превращается в средства социальной символики.

Сниженность лексических единиц декларирует свободу ухода от действительности любым путём. Она свидетельствует о принятии всего аморального, непривычного, вульгарного, провоцирующего «обывателя», использующего стандартный язык. Именно поэтому она активно используется в новой литературе, отражающей деградацию нравов, цинизм и «крутость» новой жизни, порой – очевидно показные, отражающие желание подстроиться под эту новую «моду».

Более не считается достаточным констатировать, что герой «долго бранился», теперь уже нужно точно перечислить те слова и выражения, которыми он выказал свое неудовольствие, злость и т.п. Говоря словами одного американского критика, с литературы смахнули викторианскую паутину [Бондаренко 1992: 1].

Однако если употребление ненормативной лексики персонажем можно оправдать, назвав это явление вслед за Бондаренко «открытой стилистикой» [Бондаренко 1992: 1], имеющей место, по нашему мнению, у С. Кинга, то авторские ремарки, избыточные бранью, несомненно, – плевок в лицо читателю, как бы он ни был «подготовлен» общими демократизационными процессами.

ГЛАВА II. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДИМОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

2.1 История вопроса. «Теория неперевоидимости»

Перевод, несомненно, является очень древним видом человеческой деятельности. Как только в истории человечества образовались группы людей, языки которых отличались друг от друга, появились и «билингвы», помогавшие общению между «разноязычными» коллективами. С возникновением письменности к таким устным переводчикам – «толмачам» – присоединились и переводчики письменные, переводившие различные тексты официального, религиозного и делового характера [Паршин 2000: 1].

С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур [Казакова 1988: 4]. Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удается далеко не каждому, и ни один человек не может читать книги на всех или хотя бы на большинстве литературных языков.

Долгое время собственно языковеды не видели оснований включать переводческую деятельность в объект лингвистического исследования, так как она не определялась лингвистическими факторами. В центре внимания языкознания было изучение специфики языка, раскрытие его уникальной, неповторимой структуры, особенностей грамматического строя и словарного состава каждого отдельного языка, отличающих его от других языков. Все это составляло своеобразие языка, его национальный «дух» и предполагало принципиальную невозможность тождества двух текстов, написанных на разных языках. А поскольку считалось, что перевод должен исчерпывающим образом воспроизводить оригинал, то перевод оказывался принципиально невозможным по чисто лингвистическим причинам, не говоря уже о невозможности воспроизвести неповторимое своеобразие творческой манеры выдающегося поэта или писателя. Отношение языковедов к переводу четко выразил В. Гумбольдт в письме к известному немецкому писателю и переводчику Августу Шлегелю: «Всякий перевод представляется мне безусловно попыткой разрешить невыполнимую задачу. Ибо каждый переводчик неизбежно должен разбиться об один из двух подводных камней, слишком точно придерживаясь либо своего подлинника за счет вкуса и языка собственного народа, либо своеобразие собственного народа за счет своего подлинника» (цит. по: [Паршин 2000: 3]).

Подобные взгляды, получившие позднее название «теория неперевоидимости», разделялись многими лингвистами, в том числе и теми, которые сами много и весьма успешно выступали в роли переводчиков. «Теория неперевоидимости» не оказала какого-либо влияния на переводческую практику, поскольку переводчики продолжали выполнять «невыполнимую» задачу. Однако эта теория была одним из препятствий на пути лингвистического анализа перевода [Паршин 2000: 3].

Большая общественная значимость и все увеличивающиеся масштабы переводческой деятельности не могли не привлечь внимания исследователей, и с середины XX века языковеды приступили к разработке основ научной теории перевода [Паршин 2000: 2]. К середине двадцатого столетия языковедам пришлось коренным образом изменить свое отношение к переводческой деятельности и приступить к ее систематическому изучению.

В этот период на первый план начал выдвигаться перевод политических, коммерческих, научно-технических и прочих «деловых» материалов, где особенности индивидуально-авторского стиля, как правило, мало существенны. В связи с этим все

более четко стали осознавать, что основные трудности перевода и весь характер переводческого процесса обуславливаются расхождениями в структурах и правилах функционирования языков, участвующих в этом процессе. Кроме того, возросшие требования к точности перевода также подчеркивали роль языковых единиц.

Перевод должен был обеспечить передачу информации во всех деталях, вплоть до значений отдельных слов, быть полностью аутентичным оригиналу. Все яснее становилась языковая первооснова переводческого процесса. Необходимо было выяснить, в чем состоит лингвистическая сущность этого процесса, в какой степени он определяется собственно лингвистическими факторами, в каких пределах такие факторы ограничивают точность передачи информации. То есть, пришло осознание того, что если речь идет о каком-то соотношении языков, то его изучением должны, естественно, заниматься лингвисты.

Наиболее яркими представителями советского и российского переводоведения являются Т.А. Казакова, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, К. Чуковский, А.Д. Швейцер, внесшие огромный вклад в мировое переводоведение и исходившие в своих работах, прежде всего, из общественной значимости результатов переводческой деятельности, связывая при этом ее теоретические основы с лингвистикой.

2.2 Адекватность текста перевода как прагматическая задача переводческого акта

В современном российском переводоведении понятие «перевод» классически имеет два значения. В одном значении понятие «перевод» обозначает процесс создания продукта – деятельность переводчика, создающего текст. В другом значении «перевод» – это сам продукт деятельности переводчика – текст, созданный им в устной или письменной форме [Латышев 2001: 12]. Мысль Л.К. Латышева о разграничении этих понятий созвучна с мнениями большинства теоретиков переводоведения [Казакова 1988; Комиссаров 1990 и др.].

По мнению Л.К. Латышева, переводчику необходимо иметь правильное представление о переводе как процессе, но важнее всего для него знать, что является переводом как текст, поскольку именно переводной текст является тем продуктом, который переводчик создает [Латышев 2001: 23–24]. Далее, говоря о качестве перевода, мы будем говорить, соответственно, о требованиях не к процессу, а к продукту перевода, т.е. к переводному тексту (ПТ).

Первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих собратьев по профессии. Понятно, что с изложением своего «переводческого кредо» выступали наиболее выдающиеся переводчики всех времен и, хотя высказываемые ими соображения не отвечали современным требованиям научности и доказательности и не складывались в последовательные теоретические концепции.

Так, еще переводчики античного мира широко обсуждали вопрос о степени близости перевода к оригиналу. В ранних переводах Библии или других произведений, считавшихся священными или образцовыми, преобладало стремление буквального копирования оригинала, приводившее порой к неясности или даже полной непонятности перевода. Поэтому позднее некоторые переводчики пытались теоретически обосновать право переводчика на большую свободу в отношении оригинала, необходимость воспроизводить не букву, а смысл или даже общее впечатление, «очарование» оригинала. Уже в этих первых высказываниях о целях, которые должен преследовать переводчик, можно найти начало теоретических споров нашего времени о допустимости буквального или вольного перевода, о необходимости сохранить в переводе то же воздействие на читателя, которым обладает оригинал, и т.п.

Позднее отдельные переводчики пытались сформулировать некоторое подобие «нормативной теории перевода», излагая ряд требований, которым должен был отвечать «хороший» перевод или «хороший» переводчик. Французский гуманист, поэт и переводчик Этьенн Доле (1509 -1546) считал, что переводчик должен соблюдать следующие пять основных принципов перевода:

- 1) в совершенстве понимать содержание переводимого текста и намерение автора, которого он переводит;
- 2) в совершенстве владеть языком, с которого переводит, и столь же превосходно знать язык, на который переводит;
- 3) избегать тенденции переводить слово в слово, ибо это исказило бы содержание оригинала и погубило бы красоту его формы;
- 4) использовать в переводе общеупотребительные формы речи;
- 5) правильно выбирая и располагая слова, воспроизводить общее впечатление, производимое оригиналом в соответствующей «тональности» (цит. по: [Казакова 1988: 10]).

В 1790 г. в книге англичанина А. Тайтлера «Принципы перевода» основные требования к переводу были сформулированы следующим образом:

- 1) перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
- 2) стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;
- 3) перевод должен читаться так же легко, как и оригинальные произведения (цит. по: [Казакова 1988: 10-11]).

Подобные требования не утратили своей значимости, хотя и кажутся нам сегодня самоочевидными.

В настоящее время общая теория перевода раскрывает понятие переводческой нормы, на основе которой производится оценка качества перевода. Совокупность требований, предъявляемых к качеству перевода, называется нормой перевода.

Качество перевода определяется степенью его соответствия переводческой норме и характером невольных или сознательных отклонений от этой нормы. Существует языковая норма, которая пропускает то, что реально существует в языке и признается обществом правильным, и задерживает те продукты системы, которые в языке реально не существуют и в речи не употребляются. В отношении языковой нормы применимо правило: «правильно – неправильно». Языковая норма складывается на основе исследования языка писателей-классиков и средств массовой информации (эталона).

Речевая норма – узус – правило ситуативного использования языка, отражающее речевые привычки и традиции данного языкового коллектива.

То, что узуально (уместно) в определенном функциональном стиле, как правило, не противоречит языковой норме. То, что уместно в одном стиле, может быть неуместно в другом, однако языковой норме не противоречит.

Понятие нормы перевода включает требование нормативного использования переводчиком языка перевода, а также необходимость соответствия результатов переводческого процесса общепринятым взглядам на цели и задачи переводческой деятельности, которыми руководствуются переводчики в определенный исторический период. Норма перевода складывается в результате взаимодействия пяти различных видов нормативных требований:

- 1) нормы эквивалентности перевода;
- 2) жанрово-стилистической нормы перевода;
- 3) нормы переводческой речи;
- 4) прагматической нормы перевода;
- 5) конвенциональной нормы перевода [Комиссаров 1990; Паршин 2000].

Эквивалентность содержания оригинала и перевода выступает в качестве основы их коммуникативной равноценности, предполагаемое наличие которой делает данный текст переводом. Норма эквивалентности перевода не является неизменным параметром. Она означает необходимость возможно большей общности содержания оригинала и перевода, но лишь в пределах, совместимых с другими нормативными требованиями, обеспечивающими адекватность перевода. В каждом конкретном случае тип эквивалентности определяется как соотношением единиц ИЯ и ПЯ, так и учетом прагматических факторов, воздействующих на акт перевода. В современном переводоведении классически выделяют пять уровней эквивалентности:

1. Эквивалентность переводов первого типа заключается в сохранении только той части содержания оригинала, которая составляет цель коммуникации.
2. Во втором типе эквивалентности «общая часть содержания оригинала и перевода не только передает одинаковую цель коммуникации, но и отражает одну и ту же внеязыковую ситуацию».
3. В переводах третьего типа наблюдается как полное совпадение структуры сообщения, так и использование в переводе синонимичной структуры, связанной с исходной отношениями семантического перефразирования.
4. В четвертом типе эквивалентности, наряду с тремя компонентами содержания, которые сохраняются в третьем типе, в переводе воспроизводится и значительная часть значений синтаксических структур оригинала.
5. В последнем, пятом типе эквивалентности достигается максимальная степень близости содержания оригинала и перевода, которая может существовать между текстами на разных языках [Комиссаров 1990; Паршин 2000].

Жанрово-стилистическую норму перевода можно определить как требование соответствия перевода стилистическим особенностям типа текста, к которому принадлежит перевод. Выбор такого типа определяется характером оригинала, а стилистические требования, которым должен отвечать перевод – это нормативные правила, характеризующие тексты аналогичного типа в языке перевода. Жанрово-стилистическая классификация переводов в зависимости от жанрово-стилистических особенностей оригинала обуславливает выделение двух функциональных видов перевода: художественный перевод и информативный (специальный) перевод [Казакова 1988: 97].

Художественным переводом, согласно Т.А. Казаковой, называется перевод произведений художественной литературы [Казакова 1988: 97]. Произведения художественной литературы противопоставляются всем прочим речевым произведениям благодаря тому, что для всех них доминантной является одна из коммуникативных функций, а именно художественно-эстетическая или поэтическая. Основная цель любого произведения этого типа заключается в достижении определенного эстетического воздействия, создании художественного образа.

Такая эстетическая направленность отличает художественную речь от остальных актов речевой коммуникации, информативное содержание которых является первичным, самостоятельным.

Поскольку речь идет о переводе отрезков художественной речи, основным отличием художественного перевода от иных видов перевода следует признать принадлежность текста перевода к произведениям ПЯ, обладающим художественными достоинствами. Иными словами, художественным переводом именуется вид переводческой деятельности, основная задача которого заключается в порождении на ПЯ речевого произведения, способного оказывать художественно-эстетическое воздействие на ПЯ. Анализ переводов литературных произведений показывает, что в связи с указанной задачей для них типичны отклонения от максимально возможной смысловой точности с целью обеспечить художественность перевода [Казакова 1988: 97].

Норму переводческой речи можно определить как требование соблюдать правила нормы и узуса ИЯ с учетом узуальных особенностей переводных текстов на этом языке. Эти особенности реализуются переводчиками интуитивно в их практической

Прагматическую норму перевода можно определить как требование обеспечения прагматической ценности перевода. Она не является «нормой» в полном смысле этого слова, так как прагматическая сверхзадача переводческого акта может быть индивидуальной и не свойственной переводу вообще. Однако модификация результатов процесса перевода в прагматических целях – достаточно распространенное явление, без учета которого невозможна нормативная оценка переводов. Прагматические условия переводческого акта могут сделать вынужденным полный или частичный отказ от соблюдения нормы перевода, заменить фактически перевод пересказом, рефератом или каким-либо иным видом передачи содержания оригинала, не претендующим на его всестороннюю репрезентацию [Комиссаров 1990; Паршин 2000; Латышев 2001].

В настоящее время *конвенциональную норму* перевода можно определить как требование максимальной близости перевода к оригиналу, его способность полноценно заменять оригинал как в целом, так и в деталях, выполняя задачи, ради которых перевод был осуществлен. Практически это требование реализуется путем выполнения всех или некоторых из указанных аспектов переводческой нормы.

Таким образом, соблюдение всех нормативных правил, кроме нормы эквивалентности, носит более общий характер и является чем-то само собой разумеющимся, а степень верности оригиналу оказывается той переменной величиной, которая в наибольшей степени определяет уровень профессиональной квалификации переводчика и оценку качества каждого отдельного перевода. В ходе анализа фактического материала в данной работе основное внимание будет уделяться именно этой норме перевода.

В.Н. Комиссаров считает, что для общей характеристики результатов переводческого процесса следует использовать такие термины как «адекватный перевод», «эквивалентный перевод», «точный перевод», «буквальный перевод» и «свободный (вольный) перевод» [Комиссаров 1990: 233].

Адекватным переводом, по мнению В.Н. Комиссарова, называется перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса – употребления слов и их форм закрепившееся в речи переводящего языка, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении «адекватный перевод» – это «хороший» перевод, оправдывающий ожидания и надежды коммуникантов или лиц, осуществляющих оценку качества перевода [Комиссаров 1990: 233].

Эквивалентным переводом Комиссаров называет перевод, воспроизводящий содержание иноязычного оригинала на одном из уровней эквивалентности. Под содержанием оригинала имеется в виду вся передаваемая информация, включая как предметно-логическое (денотативное), так и коннотативное значение языковых единиц, составляющих переводимый текст, а также прагматический потенциал текста. По определению любой адекватный перевод, считает Комиссаров, должен быть эквивалентным (на том или ином уровне эквивалентности), но не всякий эквивалентный перевод признается адекватным, а лишь тот, который отвечает, помимо нормы эквивалентности, и другим нормативным требованиям, указанным выше [Комиссаров 1990: 234].

Следующим видом перевода В.Н. Комиссаров называет *точный* перевод, т.е. перевод, в котором эквивалентно воспроизведена лишь предметно-логическая часть содержания оригинала при возможных отклонениях от жанрово-стилистической нормы и узуальных правил употребления переводящего языка. Точный перевод может быть признан адекватным, если задача перевода сводится к передаче фактической информации об окружающем мире. Эквивалентный перевод всегда должен быть точным, а точный перевод по определению лишь частично эквивалентен [Комиссаров 1990: 234].

Буквальным переводом В.Н. Комиссаров называет перевод, воспроизводящий коммуникативно-нерелевантные (формальные) элементы оригинала, в результате чего-либо нарушаются нормы и узус переводящего языка, либо оказывается искаженным (непереданным) действительное содержание оригинала. Комиссаров основной причиной использования буквального перевода называет желание воспроизвести смысловые элементы более высокого уровня эквивалентности, не обеспечив передачу содержания на предыдущих уровнях. В таких случаях буквальный перевод может сопровождаться пояснениями или адекватным переводом, раскрывающим истинное содержание оригинала.

Свободным (вольным) переводом называется перевод, выполненный на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта. Свободный перевод может быть признан адекватным, если он отвечает другим нормативным требованиям перевода и не связан с существенными потерями в передаче содержания оригинала [Комиссаров 1990: 235].

Комиссаров, замечает, что более серьезные отклонения от содержания оригинала делают свободный перевод неэквивалентным и неадекватным, превращая его в «переложение» или самостоятельное высказывание на тему оригинала [Комиссаров 1990: 235].

ГЛАВА III. СПОСОБЫ ИЛИ ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ РОМАНА С. КИНГА «ДОЛГИЙ ПУТЬ»

3.1 Виды переводческих трансформаций в переводах сниженной лексики романа С. Кинга «Долгий путь»

В англоязычной литературе намного чаще, чем в русскоязычной, встречаются примеры использования сниженной лексики, что, по нашему мнению, объясняется тем, что процессы языковой демократизации в странах Запада начались раньше, чем в СССР/России. Примером могут служить романы Стивена Кинга, известного во всем мире с середины XX века автора психологических триллеров и ужасов (horror novels).

Печатать романы С. Кинга в Советском Союзе начали в 80-е годы, это были наиболее «цензурные» романы: «Туман», «Девочка, которая любила Тома Гордона» и др. Перестроечные процессы открыли российскому читателю и другого Стивена Кинга, т.е. Ричарда Бахмана. Под данным псевдонимом С. Кинг написал ряд рассказов и две новеллы, мало похожие на мистика и «чернокнижника» Кинга, – «Долгий путь» и «Ярость».

Сюжеты обеих новелл различны и в то же время чем-то схожи. Если «Долгий путь» – это протест против превращения смерти в продукт развлечения, то «Ярость» – это бунт индивида, болезненно ощущающего свою несовместимость с теми стандартами, которых требует от него общество, и видящего за всеобщим соблюдением правил лишь игру таких же больных, как и он сам, в требуемую «нормальность».

И «Долгий путь», и «Ярость» – это поэмы катастроф. Маленький человек и его мироощущение в двух шагах или же лишь за стеклом от смерти. Здесь проза, говоря словами Ницше, – «это дом у подножия вулкана», который вот-вот начнет извергаться, уничтожая все вокруг. Кинг-Бахман взрывает красоту, по сути, он даже в самых пародийных ситуациях – писатель не сатирический, а трагический. Его герои доведены до предела, что выражается в языке произведений.

Если Стивен Кинг, учитель английской литературы, редко переходит границу дозволенного, заставляя героев даже в крайних случаях больше чертыхаться, то Ричард Бахман – это писатель низов, низовой жизни, и герои Бахмана не знают норм этикета.

Русские читатели и критики с опаской смотрят на эстетику бахмановской прозы, выламывающейся из наших литературных традиций. (ом брани) в духе эстетики классицизма и заставить их выражаться с учтивостью героев Расина. частики, но и поэтике катастрофно

Впрочем, как говорил переводчик К.А. Свасьян, лексика подчиняется не только правилам салонной поэтики, но и правилам поэтики катастроф, и требовать от задыхающегося, чтобы он следил за выражениями и демонстрировал мастерство по части эфемизмов, такой же нонсенс, как отредактировать ветхозаветных пророков (с их не меньшим ассортиментом брани) в духе эстетики классицизма и заставить их выражаться с учтивостью героев Расина [Свасьян 1997: 670].

Сравнительный же анализ текстов оригинала и переводов порой показывает попытку подобного «редактирования», грубо нарушающего стиль оригинального текста. К. Чуковский замечает, что прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иностранного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов [Чуковский 1988: 146], сохранить которые – одна из основных его задач. В противном же случае переводчик лишает читателя того воздействия, которое оказывает на носителя переводимого языка оригинальный текст.

Выполняя перевод, переводчик, прежде всего, должен определить способ перевода, т.е. меру информационной упорядоченности для переводного текста [Казакова 1988: 66]. Без правильного выбора способа перевода (при детальном анализе стилистических приемов автора в сопоставлении с возможными приемами в языке перевода) переводчик не может точно передать ту степень воздействия, которую испытывает носитель языка при чтении оригинального текста. В этом случае невозможно будет говорить о качественном, т.е. адекватном переводе.

При выборе способа перевода немаловажным является тот факт, что установление отношений эквивалентности в процессе перевода предполагает существование в ИЯ и ПЯ эквивалентных (более или менее равнозначных) единиц. Сам процесс перевода может быть представлен как процесс последовательной подстановки вместо каких-либо единиц оригинала эквивалентных единиц ПЯ, т.е. соответствий [Комиссаров 1973: 168].

В.Н. Комиссаров выделяет следующие виды соответствий:

- 1) постоянные соответствия – используются переводчиком всегда, когда в тексте оригинала появляется данная единица (термины, географические названия, предупредительные надписи, некоторые пословицы, цитаты из ранее переведенных официальных документов);
- 2) варианты соответствия – использование в ПЯ нескольких знаков или синтаксических структур, которые регулярно употребляются при воспроизведении содержания определенной единицы (или структуры оригинала);
- 3) _оказиональные соответствия – нерегулярные, случайные использования знака или структуры в переводе, связанные с какими-то особыми условиями, сопровождающими появление данной единицы ИЯ в оригинале [Комиссаров 1973: 169].

При наличии постоянного соответствия задача переводчика сводится к простой подстановке такого соответствия вместо соответствующего отрезка оригинала. При обнаружении в тексте оригинала единиц, имеющих варианты соответствия в ПЯ, переводчик выбирает вариант, наиболее точно передающий значение такой единицы в конкретных условиях ее употребления. В случае отсутствия у данной единицы каких-либо соответствий в ПЯ или невозможности использования их при построении текста перевода, переводчик, учитывая всю дополнительную информацию, передает содержание единицы оригинала способом, пригодным лишь для данного случая [Комиссаров 1973: 169].

Преобразования или способы перевода, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам

перевода в указанном смысле, называются переводческими (межъязыковыми) трансформациями [Паршин 2000: 139], или (согласно ранней терминологии В.Н. Комиссарова) приемами перевода [Комиссаров 1973: 161-169].

Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц [Паршин 2000: 139; Комиссаров 1990: 172].

В рамках описания процесса перевода, по мнению В.Н. Комиссарова, переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами исходного языка и их словарными соответствиями, а в плане динамическом как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста [Комиссаров 1990: 172]. Учитывая идиоматичность сниженной лексики английского языка, основными способами перевода сниженных единиц ИЯ будут межъязыковые трансформации, которые, согласно определению Л.К. Латышева, являются средством разрешения противоречия, периодически возникающего между двумя требованиями к переводу: требованием равноценности регулятивного воздействия исходного текста и требованием их семантико-структурного подобия [Латышев 2001: 28].

Основными типами лексических трансформаций по В.Н. Комиссарову являются:

- 1) переводческое транскрибирование и транслитерация;
- 2) калькирование;
- 3) лексико-семантические замены (конкретизация, генерализация, модуляция).

К наиболее распространенным грамматическим трансформациям В.Н. Комиссаров относит:

- 1) синтаксическое уподобление (дословный перевод);
- 2) членение предложения, объединение предложений;
- 3) грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения).

Так как объектом нашего исследования является в большей мере лексическая сторона разговорной речи в тексте романа, в своей работе мы ограничиваемся рассмотрением лексических и комплексных лексико-грамматических трансформаций, к которым относятся:

- 1) антонимический перевод;
- 2) экспликация (описательный перевод);
- 3) компенсация [Комиссаров 1990: 173].

Примеры антонимического перевода сниженной лексики в романе С. Кинга «Долгий путь» обнаружены нами не были.

3.1.1 Лексические трансформации

В исследованном нами материале мы не обнаружили примеров *транскрибирования, транслитерации и калькирования* сниженных лексических единиц при их переводе на русский язык, т.к. данные приемы используются для передачи на русский язык имен собственных, а также реалий (транскрипция и транслитерация) и понятий, а чаще новой научной терминологии, еще не существующих в ПЯ (калькирование) [Казакова 1988: 63].

Нами были найдены примеры *лексико-семантической замены* (77%), способа перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований:

<p>"Love is a fake!" Olson was blaring. "There are three great truth in the world and they are a good meal, a good screw, and a good shit, and that's all! [King 1979]</p>	<p>'- Дерьмо эта ваша любовь! - не унимался Олсон. - В мире есть всего три настоящих вещи: хороший трах, хорошая жрачка и хорошая выпивка! И все!' (Пер. В. Вадимова)</p>
---	--

В данном случае мы можем говорить о *модуляции* (35%) или смысловом развитии – замене слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Лексема *fake* 'блеф, халтура' [АРСАС-94: 145] переведена лексемой 'дерьмо', одним из значений которой в русском языке является значение 'что-то негодное, гадкое' [ТСРЯ-94: 157]. 'Блеф' в жаргоне картежников – игра на повышение ставок при отсутствии хороших карт у блефующего, когда на самом деле «ничего нет на руках» [Твист 1998: 33]; 'блеф' книж. – обман, рассчитанный на создание ложного впечатления; действие, вводящее в заблуждение [ТСРЯ-94: 48]. Таким образом, значение 'что-то ненастоящее, некачественное' (значение слова 'халтура') и 'обманное' ('блеф') легко выводится из контекста и значения слова 'дерьмо'.

А. Георгиев перевел данный отрывок следующим образом:

'- Любовь – это **пишик!** – рычал Олсон. – В жизни есть три настоящие вещи: хорошо пожрать, хорошо потрахаться и хорошо пострать. Все!..'

Значение слова 'пишик' – 'ничто, пустота' [ТСРЯ-94: 624]. Т.е. мы можем и в данном случае говорить о модуляции.

Однако, по нашему мнению, этот вариант более приемлем, так как слово 'пишик' не расходится по степени экспрессии со словом *fake* в данном контексте, в отличие от слова 'дерьмо' (груб., бран.) [ТСРЯ-94: 157].

Одним из частых способов перевода сниженной лексики в романе является также *генерализация* (19%). Генерализацией В.Н. Комиссаров называет замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое понятие [Комиссаров 1990: 177].

Например:

<p><i>Art Baker told them about a contest they'd had back home, to see who could light the biggest fart, and this hairy-assed old boy named Davy Popham had managed to burn off almost all the hair on his ass and the small of his back as well. Smelled like a grassfire, Baker said</i></p> <p>[King 1979].</p>	<p><i>'Арт Бейкер рассказал, как однажды участвовал в состязании, в котором мальчишки поджигали газы, и некто Дейви Попхэм сжег все волосы в заднице (а их там у него было немало) и даже обжег спину. Запах был, как от паленой травы, сказал Бейкер'</i></p> <p>(Пер. А. Георгиева).</p>
---	--

Fart 'пердеж' [АРСАС-94: 146] здесь переведен как 'газы', слово, только четвертым значением которого в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой является 'газообразные выделения желудка и кишок' [ТСРЯ-94: 157].

Помимо модуляции и генерализации часты случаи (23%) замены сниженного слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением, т.е. *конкретизации*, например:

<p><i>"Oh, such a golden flood of bullshit," McVries said.</i></p> <p><i>"Is that so?" Garraty cried. "How much planning are you doing?"</i></p> <p><i>"Well, right now I've sort of adjusted my horizons, that's true-"</i> [King 1979]</p>	<p><i>'- Какой красивый словесный понос, - вмешался Макврайс.</i></p> <p><i>- Разве? – закричал Гаррати. – А ты-то какие планы строишь?</i></p> <p><i>- Ну, сегодня сфера моих интересов здорово изменилась, это верно...'</i> (Пер. А. Георгиева)</p>
--	--

Как и в английском, слово 'золотой' употребляется в русском языке в значении 'прекрасный, замечательный' [ТСРЯ-94: 157] в переносном значении, но выражение 'золотой словесный понос' нарушает узуальные нормы русского языка. Поэтому переводчик прибегает в данном случае к конкретизации понятия.

3.1.2 Лексико-грамматические трансформации

Интересно, что В. Вадимов вовсе не сохранил сниженный оттенок словосочетания *a golden flood of bullshit*, однако передал иронию выражения с помощью *лексико-грамматической трансформации*, а именно – *компенсации* в косвенной речи:

'- Какое красноречие! – иронически сказал Макфрис.'

Способом компенсации «...элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода ... другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале» [Комиссаров 1990: 185].

В.Н. Комиссаров, говоря о компенсации, подчеркивает тот факт, что она является единственным стилистическим средством передачи англоязычных просторечий, таких как: *a-singing, hit* вместо *it happen*, также ряда других грамматических нарушений [Комиссаров 1990: 185].

Несмотря на большое количество просторечных форм в тексте романа (*a lotta, I gonna, whozat, wassamatter, fella, I wanna, to give 'em, is pickin' 'em up and layin' 'em down*) ни один, ни другой переводчик почти не прибегает к помощи компенсации для передачи разговорного оттенка. Она составляет всего лишь 14%.

Так отрывок "*You a religious fella?*" Baker asked Garrety [King 1979] переводчик В. Вадимова перевел следующим образом:

'- Ты верующий? – спросил Бейкер у Геретти.'

Перевод А. Георгиева несколько «просторечнее»:

'- А ты как, верующий? – спросил Бейкер у Гаррати.'

Нечасты и случаи *экспликации* при переводе сниженных лексических единиц (т.е. описательного перевода), всего лишь 9%. Это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ [Комиссаров 1990: 185].

С помощью экспликации, считает В.Н. Комиссаров, можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале, однако недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением [Комиссаров 1990: 185]. Так, в случае с лексемой *hoochie-kooch* А. Георгиев использовал экспликацию:

*A few minutes later Davidson joined the group and told them about the times he got drunk at the Steubenville State Fair and crawled into the **hoochie-kooch tent** and got biffed in the head by a big fat momma wearing nothing but a G-string* [King 1979].

‘Через несколько минут к группе присоединился Дейвидсон и принялся рассказывать о том, как однажды на Стебенвилльской ярмарке он напился пьяным и заполз **в палатку, где торговали спиртным**, и там его двинула по голове какая-то жирная матрона’.

Следует заметить, что, дав эксплицитный перевод слова *hoochie-kooch*, А. Георгиев выбрал первое значение данной лексемы, т.е. ‘палатка, где торгуют спиртным’, хотя контекст вполне может указывать и на второе значение – ‘комната, где проститутка принимает клиента’: женщина была обнажена, что явно не соответствует образу продавца в «открытой палатке, где торгуют алкоголем», а слово *momma* (производное от *mother*) эквивалентно *Madam* – ‘бендарша, распорядительница в борделе (обычно старая проститутка)’ [АРСАС-94: 303]. Да и само поведение женщины, сначала ударившей подростка за внезапное вторжение, а потом позволившей ему потрогать свое тело, явно указывает на определенный род профессии. Видимо, именно поэтому переводчик вовсе опускает ту часть контекста, которая заставила бы читателя усомниться в адекватности предложенного перевода: *wearing nothing but a G-string*.

Таким образом, рассмотрев способы перевода сниженной лексики романа С. Кинга «Долгий путь», мы можем прийти к выводу, что не всегда переводчикам удалось выбрать наиболее оптимальный вид переводческой трансформации. Правильный же выбор способа преобразования единицы оригинала в единицу перевода – одно из основополагающих условий создания адекватного текста в переводящем языке.

Лишь при тщательном предпереводческом анализе контекстов и сравнении речевой ситуации с адекватной ситуацией ПЯ возможен верный выбор способа перевода – без нарушения узуальных норм и с высокой степенью эквивалентности текста перевода.

3.2 Степень эквивалентности переводов сниженной лексики романа С. Кинга «Долгий путь»

В переводах романа С. Кинга «Долгий путь» нами были обнаружены примеры всех уровней эквивалентности перевода. Примером *адекватного перевода* сниженной лексики, по нашему мнению, может служить перевод следующего отрывка романа “Long Walk”:

A moment later Mike and Scramm did an abrupt about-face and began to walk toward the crowd, which, sensing the sharp tang of fatality about them, shrieked, unclotted, and backed away from them as if they had the plague. Garraty looked at Pearson and saw his lips tighten. The two boys were warned, and as they reached the guardrails that bordered the road, they about-faced smartly and faced the oncoming halftrack. Two middle fingers stabbed the air in unison. "I fucked your mother and she sure was fine!" Scramm cried. Mike said something in his own language [King 1979].

‘Через момент Майк и Скрамм сошлись и двинулись прямо на толпу, которая, увидев обреченность их лиц, с криками бросилась врассыпную, будто они были заразные. Они получили предупреждения и, дойдя до перил ограждения, повернулись к вездеходу и выставили вперед средние пальцы. - **Я е**л вашу мать, и мне это понравилось!** - проорал Скрамм солдатам. Майк крикнул что-то похожее на своем родном языке’ (Пер. В. Вадимова).

Хотя степень экспрессии английского глагола *to fuck* (бран.) и русского ‘е**ть’ (неценз., табу) в большинстве случаев не совпадает, но в данном контексте (ситуация близкой смерти, ненависть к своим палачам, отчаяние) носитель русского языка скорее всего употребил бы данный оборот, т.е. норма и узус переводящего языка в данном случае выдержаны.

Жанр произведения (психологический триллер) предполагает своим читателем человека, достигшего совершеннолетия, т.е. способного правильно осознать причину употребления данной лексики в произведении. Вопрос этики в данном случае относится не к автору, пишущему в данном жанре, а к издателям, не помечающим подобную литературу специальными отличительными знаками (напр. западное ‘ADVISORY’), что не исключает попадание книги в руки детей. Д. Каралис в статье «Немного мата в холодной воде» говорит о том, что нередки случаи обращения с жалобами в библиотеки родителей, дети которых невольно стали

Не в последнюю очередь, по нашему мнению, пятый уровень эквивалентности в данном примере достигается ввиду отсутствия контекстуальных противоречий между требованием равноценности регулятивного воздействия исходного текста и переводящего текста и требованием их семантико-структурного подобия.

Вопрос соответствия общественно-признанной конвенциональной норме перевода в данном случае остается открытым, но можно сослаться на то, что традиции перевода подобной лексики в советской переводческой практике не было по причине негласного запрета на ненормативную лексику как таковую со стороны комитета цензуры [Каралис 2002: 14]. В настоящее время закладываются основы искусства перевода сниженной лексики.

Примером «смягченного» (в советских традициях) перевода может служить вариант перевода этого же отрывка А. Георгиевым:

'- Я трахал твою мамочку. Мне понравилось! – прокричал Скрамм'.

В этом случае мы можем говорить об *эквивалентном* переводе. «Международный словарь непристойностей» А. Кохтева эквивалентом для английского *to fuck* приводит русскую лексему *'e**ть'*, в то время как «Англо-русский словарь американского сленга» Т. Ротенберга и В. Ивановой приводит эквивалент *'трахать'* и эвфемизм *'иметь'*. Слово *'трахать/трахнуть'* изначально также применялось как эвфемизм и основным значением его было – *'раздаться (о резком, громком звуке)/ произвести резкое, неожиданное действие'* [ТСРЯ-94: 797]. Т.е. мы вправе судить о меньшей степени экспрессии лексемы *'трахать'*. Одновременно можно сказать, что для носителя русского языка выражение *'трахать чью-то мать'* менее характерно, чем выражение с лексемой *'e**ть'*, о популярности которого говорит большое количество его производных: *'твою мать'*, *'e*и твою мать'* и *'б***ь твою мать'*. Следовательно, передав содержание оригинала, переводчик нарушил узуальные нормы, и мы не можем говорить об адекватности данного перевода.

Примером *точного* перевода могут служить переводы следующего отрывка:

No one said anything.

"Go fuck yourselves! All of you!"

McVries said easily: "Go on back and dance on him a little,

Barkovitch. Go entertain us. Boogie on him a little bit, Barkovitch" [King 1979].

'Никто ничего не говорил.

- Ну и пошли вы все! Идите все на фиг!

- Иди к нему, Баркович, и спляши на его могиле, - спокойно сказал Макврайс.

- Развлеки нас. Пожалуйста, буги на могиле'
(Пер. А. Георгиева).

'Все молчали..

- Хрен вам! Вам всем!

- Вернись и спляши на нем, Баркович, - посоветовал Макфрис' (Пер. В. Вадимова).

Воспользовавшись и в первом, и во втором случае эвфемизмами, переводчики точно передали предметно-логическую часть исходного текста, но нарушили узуальную норму. Эквивалентом для *go fuck yourself* в «Международном словаре непристойностей» является выражение *'иди на х**'*. В подобной эмоциональной ситуации при словесной перепалке между двумя врагами, когда нет никаких моральных ограничений, которые препятствовали бы употреблению табуированной лексики, для носителя русского языка наиболее естественным было бы употребить в адрес оппонента максимально экспрессивную, максимально оскорбительную фразеологию. Однако несомненным плюсом подобного перевода является «адаптация» текста для чтения разными возрастными группами или людьми, принципиально не читающими литературу, содержащую сниженную лексику. В то же время вопрос о подобном «достоинстве» точного перевода спорен. Среди исследователей существует мнение, что ввиду подобных переводческих трансформаций читатель судит больше не о самом произведении, а – о его переводе. Так, К. Чуковский писал: «Переводчик напяливает на автора самодельную маску и эту маску выдает за его живое лицо» [Чуковский 1988: 19].

Использование буквального перевода несвойственно для перевода художественного текста. Однако относительно сниженной лексики, которая включает себя большое количество сленгизмов, полученных путем переосмысления значения нейтральной лексики, «буквальный» перевод зачастую вызван незнанием переводчиком сленгового значения слова:

*Her thighs had twitched, my God, they had twitched, in a kind of spasm, orgasm, oh God, the uncontrollable urge to squeeze and caress . . . and most of all to feel that heat . . . that heat... **He felt himself come.** That warm, shooting flow of sensation, warming him. Wetting him. Oh Christ, it would soak through his pants and someone would notice [King 1979].*

*‘Бедра ее дернулись, Боже все милостивый, они содрогнулись, в каком-то спазматическом оргазме, Боже милосердный, она же испытала неодолимое желание сжать его и приласкать... а главное – ощутить этот жар... этот жар... **Он чувствовал, что идет.** Чувствовал внутри жаркий взрыв, прилив тепла. Прилив влаги. Черт возьми, сейчас эта влага выступит на брюках, и кто-нибудь заметит’ (Пер. А. Георгиева).*

Сленговое значение глагола *to come* – ‘кончать, испытывать оргазм’ [МСН-01: 111]. Не будучи знакомым с этим значением, переводчик перевел *to come* русским глаголом движения ‘идти’, хотя вся ситуация указывает на какое-то иное значение данного глагола. Как считает Л.К. Латышев, происходящая от некомпетентности «необычность» речи затрудняет ее восприятие, отвлекает внимание от содержания [Латышев 2001: 29]. Вот как перевел этот отрывок переводчик В. Вадимов:

*‘Ее бедра извивались, когда Гриббл целовал ее... О Боже, они извивались... Это был спазм, оргазм, что угодно... О Господи, только бы сжать ее вот так и чувствовать это тепло... **Он вдруг кончил.** Теплая жидкость потекла по его промежности. Черт, сейчас появится пятно на штанах, и кто-нибудь обязательно заметит’.*

Однако, правильно переведя сленгизм, всю остальную ситуацию В. Вадимов передал свободным переводом.

Описывая фантазию Геррети, только что увидевшего, как шедший с ним рядом Гриббл целовал стоявшую у обочины девушку и представляющего теперь себе эту сцену, В. Вадимов, по всей видимости, желая напомнить читателю, кому принадлежали действия, которые представил Геррети, вводит в текст перевода отсутствующий в оригинале момент: ‘...когда Гриббл целовал ее...’

А. Георгиев переводит фразу “...*the uncontrollable urge to squeeze and caress . . . and most of all to feel that heat...*” как ‘...*она же испытала неодолимое желание сжать его и приласкать...*’, в своей интерпретации приписывая ощущения, которые, скорее всего, принадлежат Геррети, девушке, с которой целовался Гриббл.

В переводе В. Вадимова нами обнаружены также примеры свободного перевода, оказавшиеся неэквивалентными и неадекватными, т.е., согласно определению В.Н. Комисарова, «переложениями» или самостоятельными высказываниями на тему оригинала. Примером такого «высказывания» будет перевод следующего отрывка:

*A few minutes later Davidson joined the group and told them about the times he got drunk at the Steubenville State Fair and crawled into the hoochie-kooch tent and got biffed in the head by a big fat momma wearing nothing but a G-string. When Davidson told her (so he said) that he was drunk and thought it was the tattooing tent he was crawling into, the red hot big fat momma let him feel her up for a while (so he said). **He had told her he wanted to get a Stars and Bars tattooed on his stomach** [King 1979].*

‘Через несколько минут к ним присоединился Дэвидсон и рассказал, как он однажды напился на пикнике, ввалился в палатку и наблевал чуть не на голову какой-то толстой тетке, на которой не было ничего, кроме трусов. Она, по его словам, не рассердилась и даже позволила ему "за себя подержаться", как он выразился’ (Пер. В. Вадимова).

Данный пример иллюстрирует целый ряд отступлений переводчика от текста оригинала:

1. *at the Steubenville State Fair* – дословно: ‘на Стебенвильской ярмарке’ – у В. Вадимова: ‘на пикнике’;
2. *crawled into* – дословно: ‘вполз’ – у В. Вадимова: ‘ввалился’;
3. *hoochie-kooch tent* – буквально: ‘палатка, где торгуют спиртным, или комната, где проститутка принимает клиента’ [Ротенберг, Иванова 1994: 219] – у В. Вадимова: ‘палатка’;
4. *got biffed in the head by a big fat momma* – дословно: ‘был ударен в голову большой толстой Мамочкой’ – у В. Вадимова: ‘наблевал чуть не на голову какой-то толстой тетке’.

Предложение “*He had told her he wanted to get a Stars and Bars tattooed on his stomach*” – ‘Он сказал, что хочет, чтобы ему вытатуировали звездно-полосатый на животе’ вовсе отсутствует в переводе В. Вадимова.

Таким образом, проанализировав контекст и сравнив два варианта перевода, мы можем сказать, что лишь в редких случаях переводы сниженной лексики А. Георгиевым и В. Вадимовым можно считать адекватными. В ряде случаев можно говорить даже о буквальном переводе по причине ошибки переводчика (*he felt himself come*), а также в некоторых случаях – о необоснованном выборе вида переводческой трансформации (*Go fuck yourselves! All of you!*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение теоретической литературы и анализ фактического материала позволяют сделать следующие выводы.

Существует несколько классификационных стратегий сниженной лексики английского языка: по источнику пополнения, по семантическому признаку и по степени сниженности. Налицо разночтения среди английских, немецких и русских лингвистов в вопросе выделения регистров сниженной лексики, характеризующих степень сниженности лексической единицы, что свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки этой проблематики.

В современном английском языке раньше, чем в русском, прошли процессы демократизации языка, это привело к снижению литературной нормы и нашло свое отражение во всех сферах общественной жизни и непосредственно в современной англоязычной художественной литературе, в частности, в произведениях С. Кинга.

Способами перевода сниженной лексики английского языка является использование следующих типов трансформаций:

- 1) лексической трансформации, а именно лексико-семантической замены: модуляция (35%), генерализация (19%), конкретизация (23%);
- 2) лексико-грамматических трансформаций: компенсации (14%), экспликации (9%).

Проанализировав варианты переводов сниженной лексики в романе С. Кинга «Долгий путь», мы можем сделать ряд следующих выводов:

Необоснованно редки, с нашей точки зрения, случаи использования при переводе американских просторечий такой лексико-грамматической трансформации как компенсация.

Оценивая качество переводов, следует сказать, что лишь в редких случаях переводы сниженной лексики английского языка А. Георгиева и В. Вадимова можно считать адекватными: зачастую переводчики, практически не нарушая, впрочем, узувальных норм ПЯ, занижают степень экспрессии переводимых лексических единиц, а иногда и грубо искажают содержание оригинала.

Причинами неадекватности являются:

- 1) занижение степени экспрессии;
- 2) нарушение узувальной нормы ПЯ;
- 3) буквальный перевод;
- 4) свободный перевод;
- 5) нулевой перевод.

В заключении следует подчеркнуть, что наиболее сложным и мало изученным в контексте теории перевода пластом лексики английского языка является сниженная лексика. На наш взгляд, это объясняется как неоднородностью при отсутствии четких внутрирегистровых границ самого сниженного пласта лексики американского английского языка, так и отсутствием традиции художественного перевода сниженной лексики в русской переводческой практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л.А. Больной скорее полужив, чем полумертв// Литературная газета. – 10 марта 2004.
2. Антрушина Г.Б. Стилистика современного английского языка, Спб, 2002.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка, М., 1962.
4. Арнольд И.В. Стилистика, М., 2002.
5. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии, М., 1957.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М., 1975.
7. Бондаренко В. Вступительное слово к повести Э. Лимонова «Подросток Савенко»//Приложение к журналу «Кубань», Краснодар, 1992.
8. Власов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1978.
9. Гез Н.И. Устная речь//Очерки по методике обучения немецкому языку. (Для педагогических вузов). Под ред. И.В. Рахманова. Учебное пособие, М., 1974.
10. Голденков М. Осторожно – Hot Dog! – М., 2001.
11. Девкин В.Д. Специфика словаря разговорной лексики//Немецко-русский словарь разговорной лексики, М., 1994.
12. Елистратов В. Аргю и культура // Словарь московского аргю: Материалы 1984-1990гг. - М., 1994.
13. Жуков Д. А. Мы — переводчики. М., 1975.
14. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка, М., 1989.
15. Казакова Т.А. Аспекты теории письменного перевода, Свердловск, 1988.
16. Каралис Д. Немного мата в холодной воде или «Осторожно: ненормативная лексика!»// Литературная газета , № 30, 24 - 30 июля 2002.
17. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» - 3-е изд.,

18. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода. — М., 1980.
19. Комиссаров В. Н. Слово о переводе. — М., 1973.
20. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. — М., 1999.
21. Комиссаров В.Н. Теория перевода, М., 1990.
22. Латышев Л.К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания, М., 1988.
23. Латышев Л.К. Технология перевода, М., 2001.
24. Миньяр-Белоручев Р.К. Записи в последовательном переводе. — М., 1997.
25. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком? Ответственный редактор М.Я. Блох. — М., 1999.
26. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. — М., 1996.
27. Свасьян К.А. Примечания к «Веселой науке» Ф. Ницше// Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое; Веселая наука; Злая мудрость: Сборник / Пер. с нем., 1997.
28. Попов Р.Н., Валькова Д.П., Маловицкий Л.Я., Федоров А.К. Современный русский язык. Учебное пособие для студентов для студентов пед. ин-тов по спец. №2121 «Педагогика и методика начального обучения». М., 1978.
29. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М., 2000.
30. Твист А. Профессия аферист: игра на интерес, М., 1998.
31. Успенский Лев Васильевич, "Слово о словах"/ "Почему не иначе", Л., 1971.
32. Чуковский К. Высокое искусство, М., 1988.
33. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. — М., 1973.
34. Galperin I.R. Stylistics, М., 1992.
35. Ruoff A. Häufigkeitwörterbuch gesprochener Sprache, Tübingen, 1981.
36. Stephen King Quits// "Entertainment Weekly" – 27th Sept. 2002.

Словари:

37. АРС-85 – Ахманова О.С., Уилсон Е.А.М. Англо-русский словарь: 20000 слов – 30-е изд., стереотип., М., 1985.
38. АРС-91 – Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н. Англо-русский словарь: Ок. 36000 слов – 13-е изд., стереотип., М., 1991.
39. АРСАС-94 – Ротенберг Т., Иванова В. Англо-русский словарь американского сленга, М., 1994.
40. МСН-01 – Кохтев А. Международный словарь непристойностей: 40000 слов и выражений, М., 2001.
41. ОРАС-00 – Оксфордский русско-английский словарь/ Сост. Маркус Уиллер. – М., 2000.
42. СЛТ-64 – Словарь лингвистических терминов//Под ред. О.С.Ахмановой. – М., 1964.
43. ТСРЯ-94 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений/ Российская АН.; Российский фонд культуры; - 2-е изд., испр. и доп., М., 1994.
44. Britannica-97 – Encyclopedia Britannica and Merriam Webster's Collegiate Dictionary: Tenth Edition on CD-Rome The Encyclopedia of Language and Linguistics. – UK, 1994.

Художественная литература:

45. Кинг С. Длинный путь. – Минск, 1996.
46. Кинг С. Длинный путь; жанр: триллер// «Библиотека в кармане X»// Пер. с англ. В. Вадимова, 2000.
47. Кинг С. Ярость. Долгая прогулка: Романы/ Пер. с англ. – М., 1999.

Электронные ресурсы:

48. Биография// Творчество Стивена Кинга [Стивен Кинг.ru]. Режим доступа: http://www.stephenking.ru/sk_biogr.html.
49. Кинг С. Почему я был Бахманом [Стивен Кинг.ru]. Режим доступа: http://www.stephenking.ru/sk_biogr2.html.
50. Отечественные киномены открыли для себя новое развлечение – голливудские блокбастеры в альтернативном переводе [Итоги.ru]. Режим доступа: http://www.itogi.ru/library01_goblin.html.
51. Паршин А. Теория и практика перевода [Linguists.narod.ru], 2000.
52. King S. Long Walk: R. Bachman's novels [Стивен Кинг.ru], 2004.